

Василий Рожков

Заметки на полях

Поэтический сборник

Василий Рожков
Заметки на полях.
Поэтический сборник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22367387
ISBN 9785448356049*

Аннотация

В книге представлены не все, но многие и, по мнению автора, довольно спелые плоды предыдущих 20 лет стихотворчества, а также одноактовая пьеса в стихах на десерт.

Содержание

Поэзия разных лет (1996 – 2016)	6
«Стань моим автором...»	6
Северянин 2.0	8
Рождество. 1918	10
Ледяной дождь	12
Белые	13
Оловянные солдатики	14
Весна Священная	16
Скользкая судьба	18
Пасха	20
«Соловьиный самолёт...»	22
Маскароны	24
Блоха	26
Сказка	29
Ты веришь мне, Томас?	32
Одиссея	34
Май	36
«Дыханьем белого цветка...»	37
Почему – Потому что	38
Кошки	39
Белый лаборант	41
40 000	43
И точка	46

Лицо самурая
Конец ознакомительного фрагмента.

48

50

Заметки на полях
Поэтический сборник
Василий Рожков

© Василий Рожков, 2016

ISBN 978-5-4483-5604-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия разных лет (1996 – 2016)

«Стань моим автором...»

Стань моим автором.

Автор – не тот человек,

что бумагу использует по назначению.

Авторство – это болезнь, и она не поддаётся лечению.

Всё начинается с этим недугом,

будет сегодня ли, завтра ли.

Я бесконечен, мне нужно начало. Стань моим автором.

Стань моим ангелом.

Кто утверждает, что ангел —

тщедушное тельце с куриными крыльями?

Ангел сжигает народы и страны,

но выживших делает сильными.

Ангел приносит благие известия

с огненной шашкою наголо.

Вечная вольница, белая бестия,

стань моим ангелом.

Стань моим вечером.

Грань между ночью и днём так тонка

и не выдержит критики.

Грань между правдой и ложью игрива,
но я вне политики.

Сумерки. Где они, сумерки,
грань между чётотом и нечетотом?
Мне нужно новое время. Стань моим вечером.

Стань моей вечностью,
Вечностью краткого мига
в бескрайности маленькой точки.

Нам предоставлены годы,
но нет ни секунды отсрочки.

Окна и двери раскрыты с наивной беспечностью.
В них загляни и войди ты. Стань моей вечностью.

И если захочется,
Изобрази на листе мироздания
Крупным размашистым почерком
Список явлений, которыми стану я.

Северянин 2.0

На блюде стынут розово креветки,
Во мглу бокалов вкраплено бельканто.
Фигура одинокой шансоньетки
Прильнула к силуэту лейтенанта.

Им хорошо вдвоём у водной зыби,
Где каждый блеск и каждый отзвук дробен.
Она подобна нерестовой рыбе,
Он кенарю певучему подобен.

Она за ним по океанской глади
Бежит простоволоса и разута,
Под кителем изгибы нежно глядя,
Вдыхая запах соли и мазута.

Он по уставу напряжённо собран
И вопреки ему слегка расслаблен,
Сдаваясь в опьянении особом
Лучам заката – абордажным саблям.

Последний свет мечтами о полёте
Мерцает в павших вниз метеоритах,
На пуговиц лощёной позолоте
И на помаде губ полуоткрытых,

И бровь дрожит, нечаянную сальность
За комплимент охотно принимая.
Его зовёт корабль в Буэнос-Айрес,
Её – существования кривая.

Следы на берегу оставив ныне,
Они взлетят на воздух непременно:
Он – подорвавшись на случайной мине,
Она – храня любовь в обрывках тлена.

Рождество. 1918

Дома, как крепости, взяты штурмом.
Под каждой дверью дежурит жулик.
Зайдясь от копоты в кашле бурном,
«Буржуи» греются у «буржук».

Осколки дедовских гарнитуров —
Кому дрова, а кому валюта.
Густые брови гардин нахмутив,
Гуляет ветер по телу люто.

Рубином прыгает папироска,
Рождая впалые тени возле
Глазниц дозорного переростка,
Перекрестившего ружья в козлы.

И жизнь, приравненная к подарку,
Лежит под кронами белых елей,
Чьи звезды гаснут, сгорев насмарку
В пещерах-окнах домов-ущелий.

Вертлявой выморозью стрекочет
С балкона свисшее полотенце,
Впитав плакатом багряный почерк
Едва родившегося младенца.

Сменив суфлёра в полночной драме,
Гремит раскатистый храп салюта
В честь приносящих себя дарами
К ногам свинцового абсолюта.

И где-то в памяти, как шифровка,
Адаму переданная Евой,
Поэт тоску маскирует ловко
Под залихватское «левой! левой!»

Ледяной дождь

Ледяной дождь, ледяной дождь.
Трещины в асфальте под засохшим клеем.
Ледяной дождь, sprechen Sie deutsch?
Ты так вероломен и прямолинеен.

Белая глазурь и земли корж.
В лакомство вгрызаются шагов зубы.
Ледяной дождь по броне кож,
Акупунктура для воды в ступе.

Мира сотворённого анабиоз.
Сахарных голов перелески, рощи.
Ледяной дождь – хореограф поз.
Посмотри на город-леденец проще.

Оловянные солдатики

Оловянные полки на книжной полке.
Бродят тени от фигуры в треуголке.
Разгораются амбиции неслабо
На полях миниатюрного масштаба.

Свет от лампы убедительно струится,
Для кого-то в нём рассвет Аустерлица.
Отвечает, чуть звеня, сервиз столовый,
Для кого-то в нём раскаты Ватерлоо.

Тишина идёт по комнате парадом,
Но фигуры наступают ряд за рядом.
Под застывшими в безветрии флажками
Дышит ярость металлическими ртами.

Как живые эти пасынки вендетты —
Так же в синее, зелёное одеты,
Так же грозны, мускулисты, бородаты.
Но солдатики – условные солдаты.

У солдатиков не войны, а войнушки,
В них картечью лупят пушечки, не пушки.
Гнутся шпажки, надрываются ружьишки.
Генеральчики играют в интрижки.

Разгулялась оловянная Европа —
Вот лошадки в танце вечного галопа,
Вот – безмолвия квартирному обманщик —
В барабанчик барабанит барабанщик.

Для игрушек не история, а сказки.
Капли крови – просто пятна красной краски.
Все их подвиги – случайная подвижка.
Только крышка – для любого роста крышка.

Гаснет лампа, сон смыкается над нею.
Оловянному солдатику труднее —
Он застрял в упрямой позе рукопашной
И оскалился своей улыбкой страшной.

Он войнушку начал, чтоб обозначала
Наши войны без конца и без начала.
Мир историю разъял на кривотолки,
Но оставил ей мирок на книжной полке.

Весна Священная

Весна шагает по ступеням кладбищ,
Сметает пыль с крестов и постаментов,
На земляных нагроможденьях клавиш
Играет и не ждёт аплодисментов.

Тепло гранита дышит влажным муссом
У основания солнечного трона,
Где перемешан прошлогодний мусор
С конфетами и рюмкой самогона.

Сороки вслух читают по табличке —
Они сегодня ангелы, не баньши.
На столике пасхальные яички
Заканчивают спор «что было раньше?..»

Беременная кошка, словно донья,
В тени оград переменяет позу
Дневной сестры. Первый шмель спросонья
Садится на искусственную розу.

Нагая ветвь склоняется учтиво,
У фотографий взяв частичку груза.
Венок от трудового коллектива
Похож на герб почившего Союза.

Свеча в обрезке пластиковой гильзы,
Как чья-то жизнь, сгорает моментально,
И ария валькирии Брунгильды
Слышна вдали печально и хрустально.

Весна взбивает жёсткие постели,
Отправив воды в вечное круженье.
Здесь ни души. Все души улетели,
В глазах своё оставив отраженье.

Скользкая судьба

Мы пили целый день и ночью до рассвета.
В глазах, как по воде, уже бегут круги.
Пасхальный слышен звон, и скоро будет лето,
Но в душах так темно, что не видать ни зги.

Столбом стоящий дым в портовом душном баре
Нам застил белый свет, но было то с руки.
Мы пили всё, что есть, в бессмысленном угаре
И, злые на судьбу, сжимали кулаки

За то, что нас Господь слепил так неумело,
Отправив в чёрный трюм, на нищенское дно,
За то, что эта жизнь чертовски надоела
И по-другому нам прожить не суждено.

Вино хлестало в нас, как воды океана
В разверстую дыру на теле корабля.
Нас бармен укорял, но было слишком рано —
Ещё не поднят тост во славу короля.

А после короля помянем королеву,
Всех братьев и сестёр, и бога-душу-мать,
Спасителя Христа и Пресвятую Деву.
Нам, дьяволам морским – что пить, что помирать.

Ведь наша жизнь – балласт, всегда готовый к сбросу,
И завтра ничего не сможет изменить.
Грешно ли согрешить печальному матросу,
Который просит смерть слегка повременить?

Нам завтра уходить от скользкого причала,
По скользким трапам вниз – котлы кормить углём.
И скользкая судьба опять начнёт с начала
Неравную борьбу с могучим кораблём.

Забрезжил в окнах свет, осушены стаканы.
Нарушил забытые гортанный рёв гудка.
Мы вышли на бровях и видим, как «Титаник»
Швартовы отдаёт, взирая свысока,

Как пенится волна, врезаясь мелкой дробью
В лощёные бока, не знавшие преград.
Мы, трезвы, как стекло, глядели исподлобья
На скользкую судьбу, ушедшую в закат.

И, возвращаясь в ад портового борделя,
Чтоб выпить за того, кто в рай заморский плыл,
Мы больше ничего от жизни не хотели,
Пока Господь, смеясь, нас заново лепил.

Пасха

Растеклась мирская пасека
По глухим дворам.
К наступленью светлой Пасхи я
В лес иду, как в храм.

Для того, кто дремлет взаперти,
Умаяя рост,
До лесной высокой паперти
Путь не так уж прост.

Но не век дороге маяться,
Меркнет суета.
И подлесок расступается,
Отворив врата.

Ветви высятся ступенями,
А над ними в ряд
Хоровые песнопения
Звёздами горят.

В лоно воздуха надвратного,
Землю зелена,
Входят краски благодатного
Древнего огня.

И молитвенными позами
В громе тишины
Под дубами да берёзами
Тени склонены.

Голосят хоры весенние,
Разнося крылом:
К нам опять пришло спасение
Светом и теплом!

Сколько радости припасено
Страждущим в лесу!
Я пчелой несу на пасеку
Радости пыльцу.

«Соловьиный самолёт...»

Соловьиный самолёт
Пролетает надо мной,
Соловьиный самолёт,
Переполненный весной,

Без моторов-дизелей,
Без пилотов-стюардесс.
Просто небо, вечер, лес —
И поэтому он здесь.

Тихий гул, неслышный рёв,
Полузвон и полустук.
Соловьиный самолёт
Заслоняет всё вокруг,

Растворяя пустоту,
Разгоняя сизый дым,
Застывая на лету
Над барьером звуковым.

Глохнет город за холмом,
Не шевелится шоссе,
Скачет песня кувырком
По весенней полосе.

Всю мою шальную был
Откупорив, как бутыл,ь,
Крутит штопор взад-вперёд
Соловьиный самолёт.

Маскароны

Люди, как фениксы, перерождаются в пламени
Порывом испепеляемых площадей.
Но порою бывает, что львы из камня
Понятнее и ближе живых людей.

Так уж выходит, что кариатиды,
Взвалившие небеса на нагие груди,
Не умножают и не источают обиды,
Как под стопами их мельтешащие люди.

И эти полумаски, эти полуфигуры,
Выходящие из каменного тумана,
В молчаньи своём – неуёмные балагуры,
В своей слепоте – глядят на меня так странно.

Народ изваяний моё не волнует имя,
Его интересуют совсем иные детали.
Они испокон веков мирились со всеми живыми,
Лишь мёртвых туда и обратно не пропускали.

И вечером, когда грифон расправляет крылья,
А четыре рыцаря уже собрались в пасьянс,
Наполнено силой мнимое их бессилье,
Словно наружу из заточенья просясь.

И кажется – миг! они выйдут из клеток в город,
Впитав в себя жар, кипящий на площадях.
Но пламя, родящее фениксов, дарит им только холод
И заливает глазницы, глядящего не щадя.

Блоха

Я – блоха.

Ежедневно ныряю в меха

Огромного алабая

По кличке Москва.

Если вокзал – всему голова,

То начинаю со лба я.

Пока разбуженный пёс

Не начал свой нервный чёс,

Погружаюсь с разбегу

В подшёрстка тёплую негу,

В перехода подземного уха

Шась! —

И ползу до самого брюха,

По-блошиному копошась.

Темнеют дороги торные,

Где вагоны меня везут.

Спазмы города рефлекторные —

Это пёс ощущает зуд.

И вагонные двери проворные —

Зуб на зуб.

Вот ведь злость алабаева!

Ведь не дура губа его —

Он меня укусить пытается

Побольней.

Но такая охота, братцы,

И на целую ночь – ни пера ни пуха.

Москва, пока!

Баю-бай,

Спи, дорогой алабай,

Отсыпайся без нашей блошиной возни.

А наутро встречай

И по-новой сердчай,

Своими когтистыми пальцами

Меня возьми.

Сказка

Выход из этой истории,
Наверное, был бы прост,
Но сильно штормило море
И не было видно звёзд
Воочию и в телескопе,
Когда я – почти на спор! —
Попал в колдовские копи
Цверга с далёких гор.

Казалось, что добровольно,
По личному наитию
Я опускался в штольню,
Жизнь посвятив свою
Добыче руды и меди,
Золота и камней,
Думая, что на свете
Нет ничего ценней.

А цверг, нахмурившись строго,
Чёрный, сутулый, злой,
В высоких своих чертогах
Пытливо следил за мной,
И всё, что в округе было,
Склонялось пред ним, дрожа,
И солнце не доходило

До горного рубежа.

Такая вот вышла небыль
Однажды из-под пера,
Пока укрывалось небо
За тучами до утра.
И если я смог состариться,
Породу во тьме рубя,
То всё это не касается,
Радость моя, тебя.

Сказка совсем иная
Нам с тобой суждена
И жизни моей, я знаю,
Совсем иная цена.
В мире, где жизнь отвергла
Долгую ночь в пыли,
Нет никакого цверга
И нет его кабалы.

Мы будем вполне достойны
Легенды с хорошим концом
И смертоносные штольни
Заменил уютный дом,
Где море шумит, а рядом
Впадает в него река
И дивным зелёным садом
Окрашены берега.

Пусть наша сказка навеет
Кому-то прекрасные сны,
Пусть ночью станет светлее
От взгляда звёзд и луны.
А там, где за тёмной границей
Горы сжимают кольцо,
Мне будет легче трудиться,
Помня твое лицо.

Ты веришь мне, Томас?

– Ты веришь мне, Томас?

– О да, Королева.

– Так следуй за мною, идём

к далёкой земле, где Великое Древо

сияет и ночью, и днём,

весь мир осветив от конца до начала,

все грани объём бытия.

Уйдём без возврата, нас ждёт у причала

крылатая лебедь-ладья.

Возьми свою верную арфу с собою,

а всё остальное оставь,

по бурному морю, взыскав покоя,

к незримому берегу правь.

– Но что я оставил вдали, Королева,

и помнить я буду о чём?

Вся жизнь моя прошлая – отзвук напева,

я прозван не зря Рифмачом.

Был замка хозяином, странником диким,

и бардом, и воином был.

что станет с моим песнопением тихим,

что ждёт тех, кого я любил?

– Не бойся, успел ты стихами восполнить

все горести мира сего.

Но в свете Великого Древа ты вспомнить
не сможешь уже ничего.

А те, что любимы, по миру продолжат
свой бранный решительный бег.

и слава Лермонтова продолжится тоже,
умножит её человек.

На горести мира восстанет потомок,
наследством твоим дорожа,

и явится к Древу. Ты веришь мне, Томас?
– Я верю тебе, госпожа...

Ужели моим благородным потомкам
назначена тяжкая дань?

Ужели земля остаётся в потемках,
уйдя за последнюю грань?

– Увы, человеку не сладить с судьбою,
Ведь в буре спокойствия нет.

Правь к берегу, Томас.

Я рядом с тобою,

И с нами наш истинный Свет.

Одиссея

Смейся, море! Земля, резвись!
Ходуном проходите, штормы!
С донных впадин взмывайте ввысь,
Корабли идеальной формы!

Старый кракен, лихой жонглёр,
Вас смешает со звёздной дробью
И щербатой расчёской гор
Локон облак взобьёт над бровью.

В небо-зеркало загляни,
Двойнику пожимая руку.
В ветви рёбер вплелись ремни,
Изгибаясь подобно луку.

Смотрит космоса Полифем
Из-за края бесстрастной бездны,
Как в бутоне раскрытых ферм
Поднимается жезл железный,

Как искатель былых побед
Рвёт ногтями остервенело
Атмосферы тугой послед,
И пронзает нагое тело

Метеоров толчёный лёд,
Растрепав океаны лёгких.
Так стрела зажигает влёт
Маяки островов далёких.

Май

Золотая глазунья солнца
Шепеляво шкворчит на небе,
Где чужая душа пасётся
После опытов в «Аненербе».

От расплавленной позолоты
Мы легли под забрало крыши,
И терзаем согласно КЗОТу
Мятый коврик убитой мыши,

И, гуляя трусцой усталой
Лабиринтами байт и битов,
Расцветаем молитвой-тайной
Над каньонами мегалитов.

«Дыханьем белого цветка...»

Дыханьем белого цветка
Повеяло на озеро и всё
Оно в лучах затрепетало.

Кто видел моложавого оленя,
Из серого утёса на бегу
Ретиво добывающего искры?

Зелёной веткою прильнув
К косматой гриве солнца,
Скачет день.

Живите, братья!
Прискорбием осенних холодов
Покроется вода ещё не скоро...

Почему – Потому что

- Почему ты всегда молчалив, как последний тупица?
- Потому что глухим самый громкий ответ – пантомима.
- Почему ты не спишь по ночам? – Я пытаюсь добиться Декадентских кругов под глазами без помощи грима.

- Почему ты медлителен, словно боишься быть первым?
- Первый раньше уйдёт, я хотел бы помучиться дольше.
- Почему же от мира себя ограждаешь барьером?
- Это мой эшафот, порождённый причиной той же.

- Почему ты стоишь на вершине того эшафота,
На виду у народа себя самого колесуя?
- Там не будет меня – так притащат другого кого-то
Да извне позовут чужака, палача-рукосуя.

- Почему бы не стать с человечеством целым единым
И поведать что должно понятным умеренным слогом?
- Потому что, идя от краев к золотым серединам,
Я устану быть тем, кто меня развлечёт диалогом.

Кошки

Кошки – животные странные,
Ни на кого не похожие,
Мягкие, но многогранные,
Ранимые, но толстокожие.
Они существа фантастические,
Возможно, инопланетные,
И взгляды у них саркастические,
И шубы у них разноцветные,
И когти у них под подушками,
И рты широко разеваемы,
И щупальца завитушками
(Усами их называем мы).
Ещё у них лапы парные,
Чтобы планету исследовать,
И речи высокопарные —
С самими собой беседовать.
Но кошки – не аутисты.
Но кошки – не интроверты.
Они иногда артисты,
Поскольку дают концерты.

И где-то на белом свете
В секретном кошачьем центре
Проводятся эксперименты
Со всем, что есть на планете.

Бывает, что кошка сядет
И станет как бы не кошка.
Значит, она в засаде
И занята немножко.
Ведь ей абсолютно, в принципе,
Всё равно на кого охотиться.
Главное – вовремя выцепить
То, что вблизи находится.
А если есть что-то не наше,
Зловредное и плохое,
Кошка придет и ляжет,
Пузо уткнёт меховое
В трансцендентальную дырку,
Закупорит злые потоки
И будет во сне мурлыкать,
Слагать неземные строки.

(Главное – не пытаться
Понять её замысел тайный.
Мы тоже ведь, может статься,
Объекты её испытаний...)

Белый лаборант

Там, где один коридор с другими пересекается,
Песню тусклых плафонов затянув, как на шее бант,
Бродит ночным феноменом, странной фигурой мается
Из дыма полупрозрачного сотканный лаборант.

Вот уже много лет в дебрях НИИ захудалого,
Лишь на часах электронных вспыхнут четыре ноля,
Является из ниоткуда, как пригоршня снега талого,
Тот, кого отказалась носить на себе земля.

Казённый халат на вырост саваном развевается,
Под мутными окулярами бледная впалость щёк;
Всё это с белым кафелем в единый поток сливается,
И скепсис на пару с иронией пускаются наутёк.

Чушь практиканты мелют, губами трясёт уборщица,
Что-то нечленораздельное сторож под нос бурчит:
Стоит его увидеть – и кожа от страха морщится,
И в животе предательски взрывается общепит.

Слухи по лабораториям и по аудиториям
Распространяются разные, одна мрачнее другой —
То ли это учёный, душу отдавший теориям,
То ли он сам Лукавый, с наукой вступивший в бой.

И даже седому профессору, адепту марксизма научного,
Порою невольно хочется перекрестить чело,
Когда он идёт за портфелем, забытым по воле случая.
Но о своём видении не скажет он ничего.

В храме естествознания, в логове чистого разума
Бродит феноменальное, словно в глазу бельмо,
Хотя по всем показателям бродить не может ни разу, но
Здание нашего знания впустило его само.

Бродит во тьме коридорами, Орфеем за Эвридикою,
Белый, как на подоконнике недопитый кефир.
И снисходительно в сторону
с портретов глядят великие,
И из таблиц Менделеева мироточит эфир.

40 000

Жизнь матросская мне приснилась
В полосатом своём белье.
Забери меня, «Наутилус»,
Бороздить 40 000 лье.

Мало-мальская в сердце ранка
Щипет солью чужих морей.
Капитанам любого ранга
Не найти моряка верней.

В бескозырке с помпоном красным
Атлетичен, чумаз, усат,
Я подводным путям опасным
По-младенчески буду рад

И мятежным сипайским флагом
По-отрочески буду горд,
По танцующим скользким лагам
Безмятежно всходя на борт.

Капитан Очевидность, где ты?
Где твой взгляд из густых бровей?
Я не жду от судьбы вендетты,
Как коллега твой – Воробей.

Мне бы вольницы беззаботной —
Полный ход да фонтаны брызг.
Дай напиток воды забортной
До дельфиньего визга – вдрызг.

Где ты, Немо? Но море немо,
И железная клеть глуха.
Видно, дизельная трирема
Растряла все потроха.

И команда, встав утром рано,
Удалилась сухим путём,
Бросив заживо капитана
В одиночества острый тёрн.

Без оглядки ушли – куда, блин?
Кто-то в Dublin, а кто-то в Kiel,
Рассудив, что мятеж подавлен
И за отмель цепляет киль.

Кто скоблит небоскрёбам ставни,
Кто на сцене торгует ртом,
Кто устроился на «Титаник»,
Не задумываясь о том.

«Наутилус» уже не хочет
Бороздить 40 000 лье.
Я проснулся среди тёмной ночи
В полосатом сыром белье.

Раскинув веером руки своих надежд,
Душу свою нагую подставив ветрам удачи
И предложений былых обвинительный злой падеж
Оборвав чёрной точкой, которая что-то значит.

Лицо самурая

Не каждый доверяет древним сказкам,
Коль жизнью заповедано терпеть.
Простой рыбак, судьбою не обласкан,
Привычным жестом бросил за борт сеть
И смотрит в пламенеющее море,
В игру алмазов и драконьих шкур,
Прислушиваясь к отзвукам историй
(Мастак же врать напарник-балагур!):

– Вот здесь – ты видишь? – в этом самом месте
В далёкие былые времена
Была морская битва. И бесчестье,
И гибель принести была должна
Правителю ослабленного клана.
Бесчислен враг, и силы не равны.
Вот так же и правитель утром рано
Смотрел на берег брошенной страны.

Всё было в прошлом – смена поколений,
Твердыни замков, слава и почёт.
Но ждать, когда поставят на колени
И голову противник отсечёт —
Немыслимый позор для самурая,
Тем более для правнука богов!
– Откуда же история такая

Могла сойти на судно рыбаков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.